

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ВОДНЫЙ И ПОГРАНИЧНЫЙ АСПЕКТЫ)**

А.А. Клицков – соискатель

Исследуются политические архетипы в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии

Ключевые слова: политический архетип; водный вопрос; пограничный вопрос.

Политические архетипы являются исторически сложившимися многовековыми основами международных отношений не только в Центральной Азии, но и во всех иных регионах ми-

ра. В этом отношении их влияние на такие отношения отражает диалектическое взаимодействие диалектических категорий “общего”, “единичного” и “особенного”. Политические архетипы не представляют собой некие особые ментальные конструкции, но их можно считать сублимированной рефлексией обычных архетипов, которые К.Г. Юнг (1875–1961), родоначальник аналитической психологии, в работе “Об архетипах коллективного бессознательного” определял как первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а потому проявляющиеся в литературе, искусстве, снах, фантазиях. К.Г. Юнг считал, что архетипы имеют не содержательную, но исключительно формальную характеристику. Содержательную характеристику архетип как прообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта. К.Г. Юнг писал: “Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов... он поднимает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного”¹. Культуролог Ю.А. Вьюнов, признавая такой подход, уточняет, что “архетипы восходят к универсально-постоянным началам в человеческой природе”². Фактически все архетипы подвержены инверсии в политические в тех случаях, когда они становятся атрибутами инструментария разрешения тех или иных общественно значимых проблем.

Мы не являемся сторонниками т.н. “экономического детерминизма”, но считаем, что материальное производство было определяющим в существовании и репродукции человечества. Поэтому основой и того, и другого были хозяйственно-культурные архетипы, которых в Центральной Азии исторически сложилось два – кочевнический (кочевой) и земледельческий (оседлый). Их сосуществование в регионе ученые часто называют “тюрко-согдийским”. Видный российский исследователь, проф. В.М. Массон пишет по этому поводу: “В исторической литературе тюрко-согдийское взаимодействие обычно воспринимается и рассматривается как конкретное историческое явление... Вместе с тем, это явление, взятое в широком историческом плане, по существу является моделью сложного блока взаимодействий обществ

различных исторических традиций. Последние проявлялись в различных сферах от материальной культуры до менталитета и политических установлений, характерных для степного круга развития и обществ традиционной зоны городских цивилизаций... Характерной особенностью тюрко-согдийского синтеза как исторического феномена является его интеграционный характер... Сам по себе тюрко-согдийский синтез являлся как бы частным проявлением глобального процесса взаимодействия оседлого и кочевого населения”³. То, что выше выделено нами курсивом, и есть уже не обычный, а политический архетип, поскольку речь идет не об абстрактных и неизменных образах хозяйственно-культурной жизни, а об их реальном взаимодействии как многофакторном диапазоне различного рода связей, многие из которых в силу этого тоже становились политическими архетипами (межэтнических коммуникаций, экономического поведения, власти, религии и др.).

Поскольку в данной статье рассматривается вопрос о влиянии политических архетипов на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии и их перспективах, то мы не можем не признать, что вышеуказанный архетип является определяющим в этих отношениях. Как известно, главными факторами в хозяйственно-культурной (экономической) деятельности народов региона были земля и вода. Естественно, что эти факторы являются и сегодня важнейшими императивами жизнедеятельности этнофоров Центральной Азии, которые не могут не иметь рефлексии в межгосударственных отношениях стран региона. Но здесь мы хотели бы сделать уточнение. Как известно, вопрос о земле в Центральной Азии сам по себе малозначим. Земли в регионе много. Поэтому вопрос земли здесь – это, прежде всего, вопрос воды, без которой земля ничего не может дать людям. Поэтому водный вопрос в системе международных отношений в Центральной Азии является одним из важнейших, если не самым важным. Российский политолог В.С. Мясников пишет о том, что главной проблемой для постсоветских государств Центральной Азии является “опустынивание” региона. Из-за нехватки водных ресурсов общий недобор сельхозпродукции в странах Цен-

¹ Цит. по: Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. – М., 2000. – С. 110.

² Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип. Страноведение России. – М., 2005. – С. 444.

³ Массон В.М. Тюрко-согдийский синтез как модель развития древних обществ Центральной Азии // Вестн. КНУ им. Ж. Баласагына. – 2004. – Сер. 1. – Вып. 4. – С. 8.

тральной Азии составил в 2007 г. в Узбекистане 30%, Таджикистане – 18%, Казахстане – 30%, Киргизстане – 20%. Происходит деградация почв¹. О важности водной проблемы в международных отношениях стран современной Центральной Азии пишут и другие исследователи². Политолог С. Иманова еще в 2001 г. писала о том, что “проблема водных ресурсов – крайне болезненная для региона и пока еще мало изученная – “всплывает” каждый год и заметно осложняет и без того непростые отношения Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана”³. Понятно, что эти слова не утратили актуальности и по сей день.

Как известно, сегодня в Центральной Азии возобновляется начатое еще в советские времена строительство мощных гидроэлектростанций. Летом 2009 г. президенты России и Таджикистана открыли работу Сангтудинской ГЭС-1. На подходе открытие (планируется на 2010 г.) Камбаратинской ГЭС-1 в Кыргызстане. Строительство новых ГЭС в Кыргызстане и Таджикистане, естественно, усилят их энергетический вес в Центральной Азии, но это вызывает беспокойство Узбекистана, Туркменистана и (хотя и в меньшей мере) Казахстана, поскольку 90% водных ресурсов Сырдарьи и Амударьи формируются на территории двух вышеуказанных государств. Но за последние полвека объем таяния ледников, питающих эти реки, уменьшился на 40% и увеличивается теперь на 1% в год. Таким образом, регион может через следующие полвека стать засушливой зоной на планете. А пока, как предупреждает казахстанский политолог Досым Саптаев, усилятся конфликты внутри региона между странами-потребителями (Узбекистан, Казахстан и Туркменистан) и странами-

поставщиками воды (Кыргызстан, Таджикистан)⁴. Наполнение водохранилищ при ГЭС подрывает стабильность орошения в странах-потребителях воды, что особенно пагубно сказывается в Узбекистане, потерявшем сотни миллионов долларов из-за недополучения важнейшей сельскохозяйственной продукции в 2008 г. Общий дефицит воды составляет сегодня, например, в Узбекистане около 4 млн. кубометров ежегодно. Проекты спасения Арала фактически пока ничего не дали. Сегодняшний г. Аральск (Кызыл-Ординская область, Республика Казахстан) являет собой такое печальное зрелище, что одно оно может бросить серьезную тень на прокламируемое “экономическое чудо” в этом государстве.

3 апреля 2009 г. состоялась встреча президентов Казахстана и Узбекистана в резиденции И.Каримова “Оксарой”. Пресса усмотрела в этом опасность блока двух стран против строительства крупных ГЭС в Кыргызской Республике и Таджикистане. Эксперт по энергетике правительства КР Базарбай Мамбетов отметил, что крупные ГЭС не только не мешали стоку вод в Сырдарью для потребителей Казахстана и Узбекистана, но даже увеличивали его. Он заявил: “Казахстан и Узбекистан боятся того, что вследствие строительства Камбаратинских ГЭС якобы возрастет их зависимость от Кыргызстана”. Причем не только по воде, но и электроэнергетике. Эксперт напомнил, что в 1998 г. было подписано четырехстороннее соглашение (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан) об использовании водных ресурсов Сырдарьинского бассейна рек, но позже Назарбаев и Каримов расторгли его по собственной инициативе. И теперь они заявили, что Кыргызская Республика не имеет права строить крупные ГЭС без согласия соседей по региону. Но Б.Мамбетов указал по этому поводу: “Кыргызстан не должен и никогда не будет согласовывать строительство Камбаратинских ГЭС с соседними странами”. Он не подписывал ни одной “водной” конвенции, в т.ч. Хельсинской. А со строительством Камбаратинских и иных ГЭС Кыргызская Республика может не зависеть от поставок газа и нефтепродуктов из Казахстана и Узбекистана, так как может перейти на электропечи как в гражданском, так и промышленном пользовании⁵.

¹ Мясников В.С. Динамика современных международных отношений и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества // Восток. – 2008. – № 3, май-июнь. – С. 79.

² См. напр.: Амираев Р., Артыкбаев М. Политические конфликты: теория и практика. – Бишкек, 2005. – С. 160–162; Волков И.В. Основные направления и перспективы интеграции Центральной Азии в глобальные мировые процессы: этноконфессиональный аспект. По материалам Кыргызской Республики. – Бишкек, 2008. – С. 66–69; Лыскова Л.Н. Этнополитические процессы в Центральноазиатском регионе в условиях нового миропорядка. – Бишкек, 2007.

³ Иманова С.С. Этнонационализм: история и реальность. – Бишкек, 2001. – С. 96.

⁴ Саптаев Досым. Просто добавь воды // Белый парус. Независимая общественно-политическая газета. – 2009. – № 22. – 31 марта.

⁵ Репортер-Бишкек. – 2009. – № 11(57). – 10 апреля.

Свою позицию по рассматриваемому вопросу обнародовал 15 апреля 2009 г. в ежегодном послании парламенту страны президент Таджикистана Э. Рахмон, который “заявил, что в течение ближайших четырех лет Таджикистан достигнет энергетической независимости”. В этот период будет выделено на реконструкцию Нурекской ГЭС 480 млн. сомони (1\$ = 3,85 сомони – А.К.), из которых 80 млн. сомони составят “грантовые средства иностранных организаций”¹. По подсчетам специалистов, Таджикистан может иметь ГЭС на 537 млрд. кВт/час, а вырабатывает всего 19 млрд. кВт/час. По мнению известного зарубежного энергетика К. Валентини, в Кыргызской Республике можно построить еще 16 ГЭС в верхнем течении р. Нарын, что может дать много электроэнергии для внутреннего потребления, а также на экспорт в значительных объемах в другие страны².

Свою официальную позицию по данной проблеме не замедлил высказать и Узбекистан. В апреле 2009 г. МИД Узбекистана распространил заявление “О позиции Республики Узбекистан по вопросу строительства новых гидроэнергетических сооружений в верховьях трансграничных рек Центральной Азии”. Президент Узбекистана И. Каримов имел беседы с президентами Казахстана и Туркмении перед апрельским саммитом глав государств-участников МФСА – Международного фонда спасения Арала в Алматы. В заявлении МИД Узбекистана выражена озабоченность тем, что строительство новых крупных ГЭС в Кыргызской Республике и Таджикистане нарушит еще более и без того ущербный водный потенциал рек Сырдарья и Амударья, составляющий сейчас всего 70% от сложившейся ранее нормы. В документе отмечается: “Как заявил в связи с этим Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов, вмешательство третьих стран в водноэнергетические проблемы Центральной Азии является недопустимым”³. Понятно, кого имел в виду правитель Узбекистана под “третьими странами” – общеизвестно, что инициатором возобновления строительства крупных ГЭС в регионе является Россия, вкладывающая в него те инвестиционные средства, которых нет ни в Таджикистане, ни в Кыргызстане. Не менее понятным становится и то, почему узбекский лидер предлагал

привлечь независимых экспертов ООН и других международных организаций. Естественно, что он предлагал заведомо “провальный” вариант, так как “независимые” эксперты ООН и Евросоюза устами своего спецпредставителя по странам Центральной Азии Пьера Морреля заявили 7 апреля 2009 г. на пресс-конференции в Душанбе о том, что странам региона надо строить не крупные, а средние и мелкие ГЭС, поскольку крупные ГЭС вредят экологии и т.п.⁴

Как известно, в советское время в Кыргызской и Таджикской ССР были построены ГЭС, занимавшие второе место после Сибири и вырабатывавшие 14 % всей советской электроэнергии. Они давали не только ее, но и накапливали воду для последующего полива полей в Средней Азии и Казахстане. Поэтому электроэнергия недовырабатывалась, что в СССР компенсировалось поставками в Кыргызскую и Таджикскую ССР газа, угля и нефтепродуктов из соседних республик и РСФСР. Распад СССР дезинтегрировал сложившийся процесс и Кыргызская Республика и Таджикистан оказались в невыгодном положении, закупая энергоресурсы у соседей по мировым ценам, но продолжая бесплатно отдавать воду для ирригации. В итоге, в 2009 г., например, уровень Токтогульского водохранилища в Кыргызстане понизился на 50 м. Это вынудило Кыргызстан перевести этот крупнейший гидроэнергетический узел в регионе с ирригационного режима на исключительно энергетический, что, понятно, снизило объемы подачи воды для нужд орошения.

В Кыргызской Республике имеется Национальный совет по водной стратегии во главе с премьер-министром. В 2005 г. в стране был принят Водный кодекс, в соответствии с которым должна была быть учреждена единая государственная водная администрация, вместо шести разных ведомств, связанных с водными вопросами. Но пока такого органа в Кыргызской Республике нет. Разумеется, это отражается на деле. В Сырдарьинском бассейне формируется около 27,4 млрд. кубометров воды, но Кыргызстан использует для себя только 4,8 (18 %). 10 октября 2008 г. на встрече президентов стран Центральной Азии были обсуждены пути взаимоприемлемого и взаимовыгодного решения водной проблемы в регионе. Но пока еще существуют проблемы между балансом гидроэнергетики и ирригации. Ситуация свидетельствует о том, что водную проблему Центральной Азии можно решить только общи-

¹ Репортер-Бишкек. – 2009. – № 11(57). – 10 апреля.

² Вечерний Бишкек. – 2009. – № 64 (9732). – 10 апреля.

³ Репортер-Бишкек. – 2009. – № 12(58). – 17 апреля.

⁴ Репортер-Бишкек. – 2009, № 11(57). – 10 апреля.

ми силами. И это, на наш взгляд, единственный вариант успеха, поскольку Всемирный водный совет, образованный в 1996 г. как ответ на растущую глобальную проблему с водой, проводит один раз в три года всемирные водные форумы (пятый из которых состоялся в марте 2009 г. в Стамбуле), но они не имеют ощутимого эффекта, во всяком случае, для стран Центральной Азии. Пока же в регионе обсуждается вопрос об оплате воды. Эксперт правительства КР по энергетике Б. Мамбетов заявил в апреле 2009 г. о том, что за воду надо платить. Между Кыргызской Республикой и Казахстаном есть договоренность об этом, и она действует уже несколько лет, но с Узбекистаном подобного соглашения нет – он пользуется водой в огромных объемах бесплатно, а потому с ним надо тоже заключить договор об оплате воды, так как Кыргызстан покупает у Узбекистана газ по цене 240 долл. за одну тысячу куб. м, тогда как Казахстан платит только 84 долл.¹ Это явно несправедливо.

Кроме “водного”, для постсоветских государств Центральной Азии сейчас остается наиболее острым пограничный вопрос. Нередко политологи рассматривают его как самостоятельную специфическую проблему международных отношений стран региона, порожденную ошибками национально-государственного размежевания 20-х гг. прошлого столетия в Центральной Азии. Это – поверхностный подход. Сугубо декларативно лидеры стран региона нередко соглашались с существующим статус-кво, сложившимся после национально-государственного размежевания 20-х гг. в регионе, однако на деле территориальные претензии между ними существуют. И причиной тому является рассматриваемый нами двойственный политический архетип хозяйственно-культурных укладов в Центральной Азии. Адептов кочевого уклада вода интересует лишь как средство “поения” людей, скота, мытья, стирки и т.д., что составляет мизерную долю той влаги, которая требуется для орошения. Зато их интересует проблема земли, пригодной для пастбищ, а не для земледелия. Вряд ли стоит говорить о том, насколько важна земля для оседлых, причем именно орошаемая. Ясно одно – суть пограничного вопроса в современной Центральной Азии составляют не “оскорбительные” для определенных этносов региона ошибки советских “разграничителей”, как полагает, например, таджикский ученый Р. Масов, а проблема земли, при-

чем для хозяйственных нужд, а не для того, чтобы тешить самолюбие восстановлением “исторической справедливости”². Поэтому в политологической лексике ученых постсоветских государств Центральной Азии весьма часто открыто и как само собой разумеющиеся звучат выражения: “спорные” участки, территории, земли и т.п. И все это, на наш взгляд, имеет “архетипическую” основу. Узбекистан и Таджикистан, как оплот политического архетипа оседлого хозяйственно-культурного уклада, заинтересованы в сдерживании завершения процесса делимитации и демаркации государственной границы как между собой, так и Кыргызстаном. В Ферганской долине постоянно увеличивается численность населения и соответственно растет потребность в земле. Граждане Узбекистана и Таджикистана нередко захватывают “спорные” участки границы с Кыргызстаном. Они были просто вынуждены делать это, поскольку плотность населения в Узбекистане и Таджикистане составляет 500–600 чел. на 1 кв. км, что сравнимо лишь с идентичными показателями на Юге Китая и в Бангладеш. Таджики скупают дома и участки в приграничных кыргызстанских селениях и тем самым передвигают границу вглубь территории соседа. В Узбекистане продолжают говорить о том, что южнокыргызские земли исторически всегда были узбекскими. Политологи Р. Амираев и М. Артыкбаев пишут, что “свободные земли Кыргызстана, особенно приграничные, могут стать предметом раздоров, так как на данный момент наблюдается активная “ползучая” пограничная миграция”³. Российский исследователь И.В. Волков отмечает, что вовлечение в пограничные конфликты между государствами Центральной Азии “жителей сопредельных населенных пунктов многократно осложняет обстановку в приграничной зоне, создавая атмосферу напряженности в отношениях между гражданами соседних государств, периодически выливающуюся в открытое противостояние”⁴. И это находит свою рефлексию и в СМИ, и в пу-

² См.: Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе: Ирфон, 1991.

³ Амираев Р., Артыкбаев М. Политические конфликты: теория и практика. – Бишкек, 2005. – С. 160.

⁴ Волков И.В. Основные направления и перспективы интеграции Центральной Азии в глобальные мировые процессы: этноконфессиональный аспект. По материалам Кыргызской Республики. – Бишкек, 2008. – С. 66.

¹ Репортер-Бишкек. – 2009. – № 12 (58). – 17 апреля.

блицистике, и даже в науке¹. Вариантов решения проблемы предлагается немало, но реально, как говорится, “воз и ныне там”. В 2007 г. во время визита в Бишкек президент Таджикистана Э. Рахмон говорил о необходимости скорейшего завершения делимитации и демаркации границ с Кыргызстаном². Но, насколько нам известно, такая работа не завершена и по сей день. Зато правительство США умело воспользовалось “неразберихой” в пограничном вопросе в Центральной Азии. В рамках программы “Экспортный контроль и безопасность границ” (EXBS) оно устанавливает мобильные пункты пропуска контейнерного типа на границах между странами региона, причем они оборудованы новейшей техникой контроля и слежения за всем, что интересует американские спецслужбы. Пункты открываются в торжественной обстановке, с неизменным присутствием посла США. В октябре 2007 г. СМИ Кыргызстана сообщали о том, что американский посол Мари Йованович лично открывала пограничный пункт пропуска “Бек-Абад-Автомаршрутный” на кыргызстанско-узбекистанской границе³. Но никакого реального значения для принципиального решения пограничного вопроса в Центральной Азии эти пункты не имеют. Желая свободно обходить их, тем более в массовом порядке. Так, 20 апреля 2009 г. в зоне пограничной заставы “Бозадыр” жители узбекских местностей Хушер и Согмент потребовали разрешения пасти скот на территории КР и устроили акцию. Силами погранзастав “Чарбак” и “Согмент”, подведомственных Баткентскому погранотряду, они были рассредоточены и разошлись⁴. В начале апреля 2009 г. Улугбек Ормонов, депутат Жогорку Кенеша (парламента – А.К.) от фракции “Ак Жол”, указывал, что “некоторые участки кыргызско-таджикской границы потихонечку углубляются в нашу сторону”. В связи с этим У. Ормонов поддерживает идею перемещения столицы в г. Ош с тем, чтобы спасти территориальную целостность

Кыргызской Республики⁵. В 1999 г. Узбекистан ввел визовый режим по отношению к своим соседям по СНГ. Таджикистан тоже ввел такую меру, но изъявил готовность отменить ее, как только Узбекистан тоже это сделает. Страдают много людей, ранее спокойно живших без границ и таможен. 17 апреля 2009 г. кыргызстанская газета “Репортер-Бишкек” писала о том, что “пограничники Узбекистана препятствуют таджикистанцам во въезде в страну”. И приводила многие тому примеры⁶. Мы могли бы тоже продолжить ряд таких, свидетельствующих о напряженности пограничных проблем в Центральной Азии, но, на наш взгляд, достаточно и вышеприведенных.

Все вышеизложенное подтверждает “архетипическую” природу и водной, и пограничной проблем в Центральной Азии. Но, охарактеризовав их нынешнее состояние, мы вправе поставить вопрос о том, как они будут развиваться в перспективе, что предусмотрено самим замыслом данной статьи. Политолог Т. Исмагамбетов пишет: “Геополитическую целостность Центральной Азии разрывают такие проблемы, как распределение водных ресурсов, снабжение газом, миграция. Они усложняют и накладываются на злободневные вопросы делимитации, возникающие по мере превращения прежних административных границ между союзными республиками в государственные рубежи новых независимых стран... дробление единого географического пространства Средней Азии привело к межгосударственным и межэтническим противоречиям, росту напряженности между государствами, что вызвано перераспределением земли и водных ресурсов”⁷. Сегодня эта проблема не решена и потому откладывается на перспективу. Однако, на наш взгляд, если она и будет разрешена, то весьма нескоро. Зарубежный политолог Р. Крумм пишет о том, что “вода тоже является причиной раздоров в регионе”⁸.

⁵ Белый парус. Независимая общественно-политическая газета. – 2009. – № 24 (92). – 10 апреля.

⁶ Репортер-Бишкек. – 2009. – №12 (58). – 17 апреля.

⁷ Исмагамбетов Т. Структурирование нового геополитического пространства Центральной Азии: региональные особенности и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2002. – № 2(20). – С. 8, 11.

⁸ Крумм Райнхард. Центральная Азия: стабильность любой ценой (Аналитический отчет Фонда им. Ф. Эберта) // Центральная Азия: собственный взгляд. Сб. статей. – Бишкек, 2006. – С. 463, 464.

¹ См. напр.: Исмагамбетов Т. Пограничные вопросы в Центральной Азии. – Алматы, 2002.

² Динамика, импульс и новое дыхание // Слово Кыргызстана. Общенациональная газета. – 2007. – № 97 (22126). – 19 сентября, среда.

³ Павлович Л. Границы, которые объединяют // Слово Кыргызстана. Общенациональная газета. – 2007. – № 104 (22133). – 5 октября, пятница.

⁴ Вечерний Бишкек. – 2009. – № 72(9740). – 22 апреля.

Он прогнозирует, что не будет хватать воды Казахстану, Узбекистану и Туркменистану. Поливные каналы устарели, поэтому теряется много воды. Китай отбирает воду из Иртыша, в связи с чем оз. Балхаш может высохнуть. Мы полагаем, что такой прогноз вполне вероятен. И он будет вполне “архетипичен”, так как в Центральной Азии, до появления здесь в начале 90-х гг. независимых и суверенных государств, никогда не было ни водной, ни пограничной проблем – ни до прихода России в регион, ни при царизме, ни при советской власти. Последняя размежевала в 20-х гг. регион в национально-государственном отношении, однако и водные ресурсы оставались общими, и границы – условными. Поэтому для окончательного разрешения рассмотренных

нами проблем нужно либо вернуть их в “архетипическое” состояние, что немислимо в силу асимметричности времени, либо воспользоваться советом крупнейших историков Центральной Азии, считающих, что только “безоговорочное признание фактически сложившихся границ, закрепление их на уровне межгосударственных соглашений и строгое соблюдение отвечают высшим интересам государств и наций, а также стабильности в регионе”¹. И это, на наш взгляд, единственно возможный путь к действительно миру и согласию.

¹ *Плоских В.М., Джунушалиев Д.Д.* История кыргызов и Кыргызстана: Учебник для вузов. – Бишкек, 2009. – С. 218.